

«В одном из выступлений перед читателями, отвечая на их вопросы, наш земляк, замечательный русский писатель, автор знаменитой повести “Белый Бим Черное ухо”, переведенной во многих странах мира, Гавриил Николаевич Троепольский сказал: “Писателя нужно искать в его книгах. Он там и как писатель, и как человек...”»

Именно эти слова вспомнились мне, когда я прочел рукопись Александра Бондарева “Со слезой и улыбкой”. Я знаю его давно как неутомимого труженика, любителя и ценителя природы, преданного до глубины души земле и крестьянской работе», — так в свое время отзывался о творчестве самобытного писателя из глубинки поэт Станислав Никулин.

Очерки, статьи талантливого литератора, наполненные знанием жизни, неоднократно публиковались на страницах литературно-художественного журнала «Подъём», периодической печати. Они всегда находили дорогу к сердцу и уму читателя, потому что слово Александра Бондарева живо, доходчиво, убедительно и правдиво. Оно несет надежду на лучшее, заставляет задуматься над теми проблемами, с которыми сталкиваются, преодолевая их или пасуя перед ними.

У

разбитой грунтовой дороги, в котловане, с тяжким нутряным храпом урчал трактор. Лениво перебирая широченными гусеницами, бульдозер толкал перед собой целую гору грунта. За стеклом кабины — парень с налитой шеей, красной, как медь.

Близ котлована в столовую проходили девчата в мешковатых брезентовых робах. На ногах — сапоги кирзовые, заляпанные раствором.

Бульдозерист толкнул рукой рычаг, и тяжелый, как танк, трактор стал пятиться назад. Девчата увидели лицо, горячее и круглое, как шляпка подсолнуха.

— Брухает землю Тимоха. Загребает деньжищи, — заговорила одна.

— А у пивного ларька хоть бы раз с ребятами «застроился», — отозвалась другая. — Жадюга, каких свет белый не видел!

Лида, недавно прибывшая на стройку, выслушивала подруг молча. Не такой, как все, парень, и это осуждали подруги.

Бульдозерист остановился, а потом трактор, будто передохнув от тяжелой работы, всхрипнул и с новой силой стал выталкивать наверх грунт.

Девчата вошли в столовую. Проголодавшись на зябком ветру у бетономешалки, Лида хлебала горячие щи. По всему телу разливалось тепло.

На второе — каша рисовая с подливкой, с духовитой и сытной котлеткой. В поле, на свекле, она, бывало, обедала всухомойтку. А здесь все подогретое, вкусное и дешевое.

После обеда вставать из-за стола девчата не торопились. Отдыхая, распустили платки и наслаждались минутой покоя.

В столовую вошел Тимофей, русоволосый парень. Он уселся за столом у окна. Не спеша и как-то степенно взял ложку и, угнувшись над тарелкой, принялся за горячие щи. От избытка тепла лицо покраснелось. Невзначай Тимофей кинул взгляд на девчат. Среди них он заметил незнакомую девку с симпатичной милой мордашкой. Уж не эта ли, о которой говорили ребята? Говорили не как-нибудь, а стихами:

Хорошая девушка Лида

На улице нашей живет!

Кашу Тимофей ел как-то рассеянно, неохотно, будто бы не проголодался.

Девчата дружно поднялись из-за стола и направились к выходу. Как-то ловко, легко незнакомка собрала со стола посуду и понесла на мойку. Тимофей исподволь глядел на ее фигурку. В девичьем стане нет ничего лишнего — все в нем естественно, просто и притягательно.

Спиной и плечами Лида чувствовала пристальный взгляд бульдозериста. Это ее смущало.

Она отнесла посуду и повернулась лицом к Тимофею. Глаза большие, ясные. Она поняла, что парень хочет что-то сказать, но никак не соберется с духом. Заглядывая вглубь ее глаз, он кашлянул.

— Вы здесь, наверно, недавно?

— Да.

— А откуда же прибыли, ежели не секрет?

В уголках губ дрогнула и расцвела улыбка-изюминка, и Лида ответила:

— Из соседней деревни...

— В общегитии устроилась?

— А там нет мест. Живу с подругой в вагончике.

Тимофей примолк. Почесывая лоб, он, похоже, собирался что-то сказать. Осмелев, наконец, предложил:

— А Вы не могли бы выйти со своего вагончика часов эдак в десять?

Лида не успела ответить — в дверь шумной гурьбой ввалились девчата. Девки глазастые, языкастые. Скажи при них хоть одно слово — разнесут тотчас по всей стройке да еще прибавят свои догадки.

Понурился взгляд, Лида молча прошла мимо парня.

За холодные тучи пряталось солнце. В общежитии — запустение, скука. Товарищи разбрелись по стройке. Настроение — хуже некуда. Но его надо создать самому, как говорят ученые люди.

Тимофей принял душ, побрился и надел белую нейлоновую рубашку. Перед зеркалом затянул и поправил узелок галстука. На плечи — болонью-куртку и вышел на волю.

Ноги сами несут к вагончику. «А ведь не было же уговору, а иду... Вот олух царя небесного! Шел бы ты спать, дубина, — ругал себя Тимофей. — Спать... Но разве можно уснуть?»

Вот и вагончик. «Выйдет или не выйдет? — гадал он. — Не выйдет... Но ведь она не сказала «нет»...

Сырой порывистый ветер гулял промеж штабелей кирпича, загонял людей в тепло. Тимофей взглянул на часы.

Остается минута — минута надежды. Каких трудов стоило выдавить слова о свидании! А, похоже, напрасно. Неужели все будет так, как однажды он предложил встретиться вечером одной фифоньке? Та легко согласилась, но на свидание не пришла. Посмеиваясь, она рассказывала подругам: «Ишь, чего захотел!»

«Неужели не выйдет?!» Винить незнакомку правда не за что — она просто-напросто промолчала. Десять. «Ну, все! Не вышла!». С досадой он хотел было уйти в свое общежитие, но какая-то сила удержала его.

Вздрыгнул от стука двери. Уж не ослышался ль? Нет, не ослышался — на пороге появилась фигурка! Глаза, наверное, к темноте привыкают. На плечах — теплая куртка, теплый платок на голове. Не помня себя, Тимофей устремился к порожкам.

— Добрый вечер, — пробормотал он, протянул руку, поймал ладошку, такую теплую, мягкую, и подержал в своей загрубевшей ладони. — Отойдем-ка в сторонку, — предложил он и помог ей сойти со ступенек.

Небольшого росточка, статная, она пристроилась к нему сбоку, и они шагнули в полутьму.

— Лида, а что заставило тебя приехать на стройку?

— В деревне остались одни старухи. Летом еще ничего — из города дачники приезжают, а зимой — тоска, глушь. Глянешь в конец улицы — ни единой живой души. Одни сугробы...

— А здесь что — понравилось?

— Не понравилось бы — назад порхнула б, к матери. А здесь кругом люди, а с людьми разве можно скучать?

Они не спеша шествовали по пустынной дороге, едва освещенной дальними фонарями.

У котлована Тимофей остановился. Зыбкий порывистый ветер трепал концы платка. Лида поеживалась от холода.

— А знаешь, что? Давай-ка сойдем к моему бульдозеру. Там затишек.

Она молча кивнула.

По откосу сошли вниз, к стальной громадине. Тимофей распахнул дверцу и помог Лиде по сходням забраться в кабину. В кабине мягкое пружинистое сиденье со спинкой.

— Как диван, — проговорила она тихо. Захлопнув дверь, Тимофей уселся рядом.

— Озябла?

— Осень есть осень, — отвечала она, зябко поеживаясь.

— Ну, это мы дело исправим. Сейчас будет тепло...

Двигатель всхрипнул, а затем перешел на приглушенный гул.

— А откуда тепло?

— От охлаждения...

— Как же это понять: тепло от охлаждения? — рассмеялась тихонько Лида.

Усмехнулся и Тимофей: «Девка в технике ни бум-бум... Ну да не в этом дело...»

Воздух в кабине прогрелся, и Лида распустила платок. Двигатель смолк.

— Тимош, я про свою жизнь рассказала. Расскажи-ка теперь про свою.

— Да что рассказывать... Как и ты, я родом из деревни. Отца своего не помню.

Мать рассказывала, что он работал в бригаде учетчиком. Вовремя не списал горючее, и его посадили. Он умер в тюремной больнице... Мать сошлась с алкашом. Раз, во время запоя, он ударил ее носком сапога в живот, и с того дня мать начала сохнуть, да так и сошла в могилу... Меня приютила бабушка. Хочешь, верь, а хочешь, не верь, а я босиком бегал в школу. До самых морозов. А потом — в валенках бабушки. Прибежишь со школы, а бабушка ждет валенки. Ну, разденешься, да на печку шмыг — там я учил уроки. Школу окончил с похвальной грамотой, но дальше учиться не пришлось. Разве могла бы бабушка при ее бедности содержать меня в городе? Конечно, нет. А потом — армия. Увидел я, как живут в городах люди. Ну, отслужил срок и в деревню свою не вернулся. Приобрел специальность и вот работаю... Товарищи надо мной подтрунивают: «Кто не курит и не пьет — тот здоровеньким помрет». Одному-то, конечно, жить можно, а вдруг семья?

Лида молча выслушивала исповедь парня. На своем плече она ощутила вдруг руку. Как-то бережно, будто боясь измять, он притянул ее к себе. Каким же уютным, каким же приятным и ласковым было это прикосновение!

— Знай, если какой-нибудь забулдыга поднимет на тебя руку — я заступлюсь.

Вот мой кулак чугунный! — и он положил его на ее колено.

Кабину они покинули в полночь. Расстались возле вагончика.

— Ну, до свиданья, вернее, до скорой встречи...

— До скорой, — тихонько засмеялась она, сходя по лесенке наземь.

Как же стремительно летит время! Давно ли Тимофей был незнакомым парнем, а нынче он стал самым желанным и милым.

Встречались все в той же кабине, где было «тепло от охлаждения».

— Может, куртку свою сымешь? — однажды предложил он.

— Что ж, это можно...

Одежку ее на крючок повесил. Разделся и сам. Как-то бережно, нежно положил на плечико руку. Что говорить, парень был щедр на ласку... Лида не оттолкнула его — природа брала свое... Так было всегда, так будет и впредь, пока живут на земле люди. Ну, как устоишь перед таким парнем...

Она любила прислоняться головой к его груди и молчать, молчать — к чему тут слова премудрые?

— Лид, а Лид... А почему бы нам не обвенчаться?

Над самым ухом пропела Лида:

— А, может, сыграть комсомольскую свадьбу?

— Не люблю комсомольских свадеб, — поморщился Тимофей. — Вот в прошлом году дружку моему комсомольскую организовали. И ты знаешь, я чуть было от стыда не провалился!

— Это почему же?

— Неестественно как-то... Представь себе: сидит за столом жених. Рядом невеста, как вишня в мае. На сцене стол с водкой, с закусками, а внизу — зал со зрите-

лями. Одни пьют за здравие молодых, другие глядят на сцену да слюнки глотают... Не унизительно ли? Угощение на свадьбе должно быть для всех. Ну, дальше поехали. Вот родственник жениха обмакнул хлебную корку в водку и поднес к губам. Уж он жевал, жевал эту корку, морщился, морщился да как гаркнет: «Горько!» Еще бы — не горько! Горше той корки, смоченной в водке, нет ничего на свете! Ну, жених с невестой встают, целуются. И это бы еще ничего. Но тут на сцену выбегает фотограф и говорит молодым: «Целуйтесь! Стоп! Не целуйтесь! Вы, — говорит, — не так, а вот так... целуйтесь, не целуйтесь!» Унизительно это... Иное дело венчание в церкви! Голос священника величавый, торжественный, как голос самого Бога. А как грянет церковный хор, тут уж и вовсе покажется, что на небеса воспаряешься...

— А я, признаться, неверующая, — и она сняла руку с его плеча.

— Да и я-то не очень. Знаю лишь «Отче наш» да еще через пень-колоду две-три молитвы — бабушка научила. Но церковное пение меня захватывает.

— Нет, Тимош, в церковь я не пойду. На комсомольскую свадьбу согласна. Я скажу так: не всякие свадьбы справляются на сцене. А что касается фотографа, то ему наперед заказать надо, чтоб не командовал поцелуями...

В этот вечер они расстались холодновато. Но настал другой, и они, как и прежде, сидели в кабине, где было тепло, как у самовара.

Так продолжалось и день, и другой, и неделя, и месяц, и однажды Лида сда-лась:

— Тимош, а у нас дите завелось...

— Да ты че? — вскинул он голову. — И что надумала?

— Да ничего. Пусть все будет так, как есть.

— Но квартира-то еще не светит, — с досадой заметил он.

Встречи, одна другой родственней, продолжались. В назначенный час Лида сама приходила к бульдозеру. И вот однажды она подошла к котловану, а бульдозера на дне его не оказалось. Нулевая отметка белым снежком запорошена, а трактора нет. Совсем нет. Вернулась в холодный вагончик, будто побитая.

Утром узнала от мастера: бульдозер погрузили на трайлер, и тягач его уволок на какие-то аварийные работы. А где эти работы — толком никто не знал.

Подружки над Лидой только посмеивались: «Ну что, нашла мужа? Да таких мужей, что в море моржей!»

На вечеринке, на пятачке у общежития, Лида услышала такую частушку обманутой девки:

Вспомни, милый, как божился и глядел на небеса. —

Чтоб язык твой отвалился и повылезли глаза!

Нет! И еще раз нет! Она никогда не пожелает такого, чтобы там ни было. Для нее Тимоша был свят.

Топчется Лида у бетономешалки. Волнуется, переживает. Работа из рук валится. Что делать? Возвращаться домой, к матери? Стыдоба великая... По селу тотчас шушок расплзется: «А Лидка-то, гля! Тихоня тихоней, а в девках дите нагуляла!» Что правда, то правда — от этого некуда деться. Что поделаешь, надо к матери возвращаться...

Недолгой была материнская радость. Все с полуслова поняла Арина Власьева. Хотелось ей сыграть веселую свадьбу с гостями, с обильным застольем, с песнями. Не получилось свадьбы. Вместо нее — крестины. Лида станет матерью-одиночкой. Уж кому-кому, а матери известно доподлинно, как жить без поддержки, без твердой мужской руки. Да что поделаешь? Живи, терпи. Знать, планида такая...

По утрам на окнах сербистые узоры-листья далеких неведомых пальм. В родительском доме плита вишнево-красная. По комнате дух сухой, прокаленный. У Лиды — свои заботы. Готовит она рубашонки да распашонки, даже чепчик ребеночку вяжет. Мелькают проворно спицы, клубок шерстяной по полу катается. На улице темь, а в доме светло и уютно. А за окном — беспредел. В трубе кто-то завыл, заплакал. Под обвальными ударами ветра содрогаются стены. Выйти во двор в такую пору и то боязно.

Арина Власьевна, прочитав молитву, взобралась на печь и голову прислонила к подушке.

В окно — стук.

— Кто там?

Лида к глазку прильнула. За окном — человек, обсыпанный снегом. Чего ему надо?

Снаружи послышался мужской бас:

— Скажите, здесь проживают Кравцовы?

— Ой, мама! — воскликнула Лида. — Тимоша приехал!

АВТОМОБИЛЬНАЯ ЛИХОРАДКА

Говорят, что машина экономит время. Но с тех пор, как Мишка Самоваров пригнал во двор новенький, пахнущий краской «Москвич», с человеком стало твориться что-то неладное. Был Самоваров в бригаде передовым механизатором, а тут стал опаздывать на работу. Огород его зарос бурьяном, да что огород! Мишка сам оброс щетиной, и люди перестали его угадывать. Некогда Мишке побриться: то надо ехать на регистрацию, то получать номера, то сдавать экзамен, то пересдавать...

Лихорадить стало Самоварова. Он и жену перестал замечать — вроде ее и вовсе нет.

Вот заводит «Москвича» Мишка и выезжает на трассу. С ветерком по асфальту катит, а как увидит инспектора, холодок грудь так и охватит. Проскочит мимо — дух переводит и снова пытается обогнать степные ветры. Душа так и ликует. Тот же она, машина! Мечта! Класс! Одного лишь боялся пуще всего — он боялся угон. Раз поставил машину на городской улице и, пока по магазинам шастал, его авто тю-тю, угнали! Холодком охватило Мишку, а потом бросило в жар. Он туда, он сюда — нигде нет машины. Поднял милицию на ноги.

— А Вы, гражданин Самоваров, где свой «Москвич» поставили?

От пережитого никак не опомнится Мишка. Кажется, на проспекте... А может, у Центрального рынка? Всю ночь метался по городу Мишка. Измучился весь и в холодном поту... проснулся. Не сразу поверил, что кошмар этот — всего лишь сон. Лежит он в постели, а «Москвич» стоит себе в гараже, и никто угонять его не собирается. А на другой день — как раз тринадцатого — Самоваров так спешил в город, что забыл дома пиджак, а в нем — документы. Едет он с пафосом по городу, а постовой полосатой палочкой — раз! Тут-то и вспомнил Мишка, что права его дома. «Ну, думает, все! Попал, как кур во щи! Отберут машину да еще посадят за угон собственного автомобиля. Вот чего еще не хватало!» Перед инспектором Мишка схватился за грудь, стал божиться, креститься, хотя и был неверующий. Так, мол, и так, вышла промашка.

И бывают же чудеса на свете! Милиционер Мишке поверил! Отпустил. Ну, пронесло, слава тебе, владыко! Все ж таки надо верить в судьбу. Вон колхозный шофер подбил на задний борт подкову. На счастье. И ездит какой уж год без приключений. Его и милиция не останавливает. «Уж не пришпандорить и мне подкову? На багажник... А нет, не годится! Испортится товарный вид машины. А не лучше

ли сделать какую-нибудь надпись? Ну, вроде такой: «Поедешь лихо — понесут тихо». Вот еще чего не хватало! Правда, есть и другие надписи. «Не уверен — не обгоняй». Но табличка эта с ошибкой. Надо писать: «Не умерен — не обгоняй». Но Самоваров — мужик не пьющий. Не для него эти слова. Лучше всего, пожалуй, написать так: «Не верь жене и тормозам». И он надписал. Над номерным знаком.

— Мда... — почесывали мужики затылки, успевая прочитать такие слова, — докатался Самоваров. Доездили. Уже и жене не верит!

С покупкой машины у Мишки появилась уйма друзей. Сойдутся они у «Автомото», про здоровье, про жен не спрашивают, а сразу про то, у кого стерлась обувь, у кого зуб выкрошился, и у кого пропала искра.

Раз случилась у Мишки поломка.

Мишка расстроен, а жена ему:

— Продай ты ее, заразу!

— А кому?

— Да хучь самому черту!

Слышал Самоваров, что человек, купивший машину, может быть счастлив дважды: один раз, когда купит, другой — когда продаст. Вот почему соглашается:

— Ладно, исправлю — продам.

В субботний денек Мишка садится в автобус, и в магазин. Магазин выжимает карман насухо. Но зато Мишка доволен. Он везет домой шестеренку. С машиной возится весь выходной и, наконец, заявляет:

— Исправил. Теперь можно продать.

А жена:

— В район надо съездить.

В район так в район. Надевает Мишка на голову старую шляпу, усаживает в машину жену, ремнем пристегивает.

— Эх, прокачу! — говорит он и садится за руль. Кум королю, сват министру. Машина бежит, аж земля дрожит. Собаки со всех закоулков пробуют за ней угнаться. Да куда псам супротив мотора! Ветер шумит, машина гремит. Знакомые расступаются и с завистью глядят вслед. А Мишка чепурится, подымает шляпу над головой, кого поприветствует, а кого и нет. И совсем не важно, что шнурки на ботинках на узелках, что носки не заштопаны. Да что там носки! Брюки того... это самое... Хорошо, что Мишка сидит на заплатках. Их не видно... А не видно, значит, их нет. До брюк не доходит очередь: то покрышку надо купить, то жидкость. Перво-наперво, надо обуть машину.

Провожая глазами автомобиль, мужики чешут затылки и толкуют между собою:

— Крепко, однако, живет Самоваров!

— Да и как не жить? Ишь, как мотор тянет!

— Да! Стянул, говорят, со двора телушку...

Съездил Мишка в район, — все денежки прокатал. А машину продавать все-таки жалко. Но вдруг новая напасть? Нет, надо продать! Тут и покупатель подвернулся. Дает полценца, а Мишка и рад. Черт с нею с машиной и этой надписью «Не верь жене и тормозам». А раз нет тормозов, каким верить нельзя, то, выходит, жене надо верить. И стал с той поры замечать Мишка, во что жена одевается, во что обувается и как она выглядит в новом наряде.